

2.08.02
166

Кукин Юрий
(Бард)

Настоящий шансонье

«Я лишь рассказчик, сопровождающий свои песни», – говорит Юрий Кукин

Борис Вишневский
Санкт-Петербург

Кукина любили и любят коллеги по «бардовскому цеху». Евгений Клячкин говорил: «Почти каждая песня Юрия была любимой». Вторят Александр Дулов: «Кукин – идеальное воплощение барда», и Валентин Глазнов: «Такие авторы, к сожалению, не часто рождаются». Александр Городницкий в разговоре со мной сказал: «Я очень люблю Юрия Кукина по трем причинам. Во-первых, потому, что он очень талантливый человек. Во-вторых, потому, что он очень добрый и порядочный человек.

– Да нету никакой разницы! Сейчас я окончательно впал в детство. Смотрю футбол, читаю детективы. А раньше я читал книги и смотрел фильмы.

– Разве в 30 лет вы не смотрели футбол и не читали детективы?

– В 30 лет я уже написал первые песни. Точнее, первую песню я написал в 14 лет на музыку Дюка Эллингтона, но тогда я в джазе играл, а первую «бардовскую» – в «возрасте вершины», в 1963 году.

– В последнее время стало больше концертов авторской песни. Вы часто выступаете?

– Я сейчас вообще не выступаю. Возраст, к тому же у меня болит колено, старая спортив-

У меня аттестат не певца, а артиста разговорного жанра

А в-третьих, потому, что мне довелось участвовать в его «открытии» в 1965 году. Тогда во Дворце культуры имени Кирова на Васильевском острове был один из первых конкурсов авторской песни, а я был членом жюри. Вышел молодой курчавый парень и спел песню про Париж». Недавно Юрию Кукину исполнилось 70 лет.

ная травма. Не хочется в таком виде появляться на сцене. Сейчас лечусь, думаю, что к осени все это пройдет. Но пока до сентября я отказался от всех концертов, от всех поездок, хотя мне предлагали ехать выступать и в Америку, и в Германию.

– Ваш юбилей «прозвучал» достаточно громко – его отметили многие питерские, и не только питерские газеты. А вы сами как его встретили?

– Сидел дома с женой, тещей, сестрой, двоюродной сестрой, сыном – вот и все...

– Почему так скромно?

– Я очень неудачно родился – в середине июля, когда рядом никого нет из друзей и знакомых. Поэтому я никогда не отмечал день рождения, особенно

Юрий Кукин: «Все мои герои – это я...»

Фото автора

юбилей. Правда, все эти юбилеи потом отмечала общественность, но это происходило уже осенью. Этот юбилей, наверное, будут отмечать тоже осенью – может быть, в ноябре.

– Общественность это уже запланировала?

– Это не моя забота. Поздравят – спасибо, не поздравят – ну и ладно. Я никогда никаких усилий к этому не прилагаю.

– Вам не нравятся песни, которые пишут и поют другие авторы?

– Я люблю только свои песни. Потому что над ними я старался. А если я слушаю чужие песни – я

не могу писать сам. Хотя мне очень нравится Городницкий, он мой «предтеча». Олег Митяев мне нравится. Сергей Погорелов нравится за юмор...

– Александр Городницкий говорит, что вы очень добрый человек...

– Это неправда. Жена говорит, что я злой. Потому что я бардов не люблю. Когда они поют по радио или по телевизору – я их выключаю. Не люблю бардовские песни. Я люблю джаз. Мне, конечно, интересен был Галич, интересен был Высоцкий, я очень люблю Визбора... А так в принципе, чем больше народу – тем хуже песни. Вот потому и не езжу на фестивали. На Грушинском фестивале уже шесть лет не был...

– В ваших песнях живет множество разных героев – Добрый Волшебник, Маленький Гном, Клоун, Канатоходец, Солдат Киплинга, Старый Сказочник... На кого из них вы больше всего похожи?

– На всех. Кроме Маленького Гнома, все мои герои – это я.

– Вы едины во многих лицах?

– Конечно. Я эгоцентричен, у меня культ личности, и я пишу все песни только про себя. Ни про кого другого не пишу. У меня вообще, если вы заметили, местоимение «я» встречается в песнях чаще всего. У меня нет песен про Родину, у меня нет песен про Санкт-Петербург, у меня нет песен про партию, у меня нет песен про кого-то другого.

– Это правило без исключений?

– Исключений очень мало. Есть несколько песен, которые посвящены разным людям, не-

которые из них написаны после того, как они погибли или умерли. Скажем, песню «Тридцать лет» я посвятил альпинисту Лене Земляку, который когда-то мне «наговорил» эту тему, объ-

яснил, что альпинизм – это поиски смысла, что альпинизм – удел тридцатилетних людей. Условно тридцатилетних – тех, кому от двадцати пяти до сорока лет, когда человек достигает вершины своей жизни. Потом он погиб, и песню, где я срифмовал мысли Лени, я посвятил его памяти.

– Вы не любите воевать?

– Я никогда не воевал и никогда не служил в армии. Институт физкультуры имени Лесгафта, который я окончил в 1954 году, – военизированный, на первом и на третьем курсах нас выгоняли в лагерь, после окончания я «автоматом» стал лейтенантом запаса, потом получил капитана, но даже не знал, как погоны выглядят.

– К вашей песне «И хочешь, не хочешь – иди» музыку написал Валентин Глазнов. Еще такие случаи были?

– Первая музыка к этой песне была моя, и она вошла в сборники. Но вы интересно говорите «написал музыку». Я ведь композитор никакой и никогда музыку не писал. Я нот не знаю и с детства их ненавижу. И на гитаре играть не умею – это все знают. Я играю только на трех тонких струнах и двух толстых и даже не знаю, как они называются. У меня ведь голоса нет, и я всегда говорил, что нет надежды, что он когда-нибудь появится. Но мне когда-то объяснили, что если человек берет гитару, то чем хуже голос – тем лучше. Вот я и пою, как все нормальные люди, вполголоса, слегка только подыгрываю себе в двух тональностях, больше мне не надо...

– Это с вашим-то 46-летним музыкальным опытом?

– Я музыкант, но джазовый – а там нот не надо. В джазе Петродворцового часового завода в 1946 году я играл на барабане.

Там музыка свободная, никто не знает никаких нот. Поэтому я никогда не записывал ни текстов на бумагу, ни нот...

За мою песню «За туманом» шли деньги из двадцати тысяч ресторанов страны! Ее много лет в ресторанах играли. А я никому песен своих в жизни не давал, их сами брали, кто мог. Меня просили: дай ноты! А как я могу их дать? Я всегда пел под гитару без всяких нот. И даже не столько пел, сколько рассказывал. У меня ведь аттестат не певца, а артиста разговорного жанра!

– По-моему, никто вас так не воспринимает...

– Все думают, что я пою песни. Но на своих концертах я не пою, а рассказываю, разговариваю и пою. Тем более что ни петь, ни играть не умею, как я уже сказал. Я только рассказчик, сопровождающий свои песни. Девять десятых концерта я разговариваю, и только одну десятую – пою. Я рассказываю про свои песни, про то, как я их написал, рассказываю про своих друзей, вспоминаю всякие смешные истории – и потом иллюстрирую все это одной маленькой песенкой. Мой обычный концерт – это двадцать песен. Если я буду только петь, концерт будет занимать двадцать минут. А у меня он два с половиной часа. Я не певец, я трепло! Знаете, есть такое понятие «шансонье». Все думают, что шансонье – это человек, который песни поет. Но это неправда: шансонье – это человек, который ведет концерт, разговаривает, а поет только так, понемножку. Таким был Жорж Брассанс. А Шарль Азнавур, Эдит Piaf или Мирей Матье – они не шансонье, они артисты, певцы высокого класса, которые поют одни и те же песни. А шансонье – это человек, который треплется, как я...